

Школа Бывальского

Пётр БЫВАЛЬСКИЙ, педагог

Поводок для директора

Пожалуй, только в последние годы учитель в нашей стране перестал быть государственным человеком. В царской России, надевая мундир государственного чиновника, человек чувствовал себя причастным к огромной империи и обязанным ей служить. Но в настоящее время чиновники решили даже не утруждать себя включением всех педагогов в иерархию российской бюрократии, а предлагают сделать только директора своеобразным «представителем государства» в каждой школе со статусом государственного служащего.

Государство, говоря о бесплатном образовании и недопустимости поборов с родителей, выделяет школам лишь 19% от средств, необходимых для капитального ремонта зданий, и при этом стыдливо разрешает использовать «добровольную» родительскую помощь. Говорит о равном праве на образование и недопустимости социального расслоения, однако закрывает глаза на привилегированные школы, в которых не только более высок уровень получаемого образования, но есть и договоры с институтами о «согласовании» требований к выпускникам школ и абитуриентам этих вузов. Государство вынуждено мириться с существующим положением, хотя и хочет его контролировать, не беря на себя при этом никакой ответственности. Директор школы — государственный служащий — становится винтиком государства, а в качестве платы за возможные неприятности получает подачки с барского стола. Среди них и повышение собственного статуса, и большая социальная защищённость, и всевозможные надбавки, и льготы, зависящие от стажа работы и места в табели о рангах.

Но не потеряет ли он при этом большее? Ведь и сейчас, сознавая свою вину перед директорским корпусом и понимая, что именно он выводит из-под огня современную школу, чиновники из департаментов образования всячески стараются его подкармливать. Так, в некоторых московских округах к директорской зарплате доплачивается до 1000 рублей. И это заслуженно, ведь деятельность директора, особенно в хозяйственных вопросах, действительно сложна. Возможно, что зарплата государственного служащего будет ещё выше, а главное, стабильней, но она в корне изменит и характер отношений между школой и контролирующими её органами, между учительским коллективом и руководителем.

Может случиться, что возникнет и другой вполне справедливый вопрос: а почему остальные члены администрации школы недостойны нового высокого статуса? Начнётся долгая, изнурительная борьба заместителей директоров за звание и привилегии государственного служащего. Не сомневаюсь, что у них найдутся для этого веские аргументы.

Если немножко помечтать, то вполне вероятно, что коллективы наших школ более, чем депутатский корпус уважаемой Думы, достойны высоких зарплат и иных привилегий, да и пользы Отечеству приносят поболее... но будем реалистами. Пока именно от Думы зависит, какой будет учительская зарплата, а не наоборот. депутаты же, как показывают последние бюджеты, по-прежнему далеки от проблем образования. Так же далеки от нужд собственных школ и их коллективов могут оказаться директора, стань они государственными служащими. Оказавшись рядовыми бюрократами, они вряд ли станут защищать интересы учительства.

Вот совсем простой факт. Как известно, государственные служащие не имеют права на забастовку. Что делать, если учителям опять придётся прибегнуть к этой крайней мере? Как должен вести себя директор-бюрократ? Остаться в школе в гордом одиночестве или вызвать милицию для усмирения коллег? Может быть, срочно найти им замену, наняв штрейкбрехеров? Как отнесутся к этому сами учителя, проникнутся ли уважением к высокому статусу госслужащего? Учитывая эмоциональность учительниц, тем более не получающих зарплату, можно предположить, какие слова из совсем не интеллигентного лексикона они в этом случае

найдут. Возможно, что за словами последуют и действия... Вот так и возникает опасность глубокого раскола педагогического коллектива. да и сам директор — будет ли он чувствовать себя в этой ситуации комфортно?

Размышляя над этим, я вспомнил сюжет из другой, недавней, нашей жизни. Тогда, в конце восьмидесятых, существовала практика выбора директоров школ. Сейчас не так много, наверное, осталось тех, кто на демократической волне занял это несладкое кресло. Но они по-прежнему заметно отличаются от традиционных назначенцев. Избранные школьным народом, они, может быть, неосознанно по-прежнему чувствуют ответственность перед избирателями. И хотя очевидно, что никаких перевыборов больше не будет, фантомное чувство, что они могут быть в любой момент низложены коллегами, живёт в них, а это дорогого стоит. Практика таких выборов была отменена именно потому, что директор становился независимым, плохо управляемым и контролируемым государственными чиновниками. Стоит ли сегодня бросаться в другую крайность?

Я не призываю к тому, чтобы не укреплять социальное положение директоров. Но зачем делать их послушными винтиками в управленческой машине? Это прежде всего опасно для школы, которая пока ориентирована на реальную жизнь, а не на карточные домики, выстроенные в головах некоторых руководящих работников.

Школьный бесхоз

Каждый раз к радости возвращения в родные стены, к детям, по которым, что там скрывать, соскучился, примешивается чувство горечи. На примере своей и соседних школ я вижу, что многое зависит от нас — коллектива и его руководителя. Я знаю, что мои коллеги вкладывают всю душу в то, чтобы в стенах наших школ билась жилка трепетной жизни. Но мы существуем не в безвоздушном пространстве, и среда нашего обитания называется «система образования». А значит, у нас должна быть общая цель, общие задачи и хоть какие-то общие пути решения многочисленных проблем. Мы должны понимать иерархию приоритетов, существующих в нашей системе. Когда я говорю «мы» — это, конечно, не обо всех учителях (возможно, это не самая насущная проблема рядового педагога), но это обязаны понимать хотя бы руководители образования.

В отпуске, руководствуясь известной фразой Льва Николаевича Толстого о том, что первую половину дороги мы думаем о тех, кого покинули, а вторую — о тех, к кому едем, я попытался проанализировать прошедший учебный год и всерьёз задумался о ближайшем будущем. мне стало не по себе, захотелось «свести дебит с кредитом».

Что же можно по большому счёту внести в плюс системе образования? Пожалуй, главное здесь то, что больной скорее жив, чем мёртв. Школа выжила. Боюсь взглянуть, но похоже, что даже на необъятных просторах нашей страны учительские деньги перестают теряться. В большинстве регионов рассосался тромб задержек зарплаты. Другой вопрос — кто «повинен» в этих успехах и насколько прочен запас нефтедолларов, если он ещё есть?

Радовало и то, что, несмотря на всевозможные горячие обсуждения, не было принято несуразных решений, ухудшающих положение в образовании. Правда, меня уже давно удивляет и настораживает, что наряду с вялой дискуссией вокруг проблем образования над разработками конкретных документов всё больше опускается завеса таинственности. Не знаю, появился ли в кабинетах Министерства образования плакат с известным предупреждением «Болтун — находка для шпиона», но складывается впечатление, что именно там создан и напряжённо работает знаменитый Первый отдел (отвечавший за секретность). Тайно были подготовлены новые образовательные стандарты, в атмосфере строгой секретности готовилась Федеральная программа развития образования. Так же «конфиденциально» были выработаны поправки к Закону «об образовании». Да и новые положения о защите диссертаций и получении учёных званий оказались вне обсуждения учёных и педагогов.

Откуда это явное стремление всё засекретить? Какой враг, способный разрушить светлые планы министерства, мог пробраться в учительские ряды? О причинах такой таинственности

могу предположить только одно: все документы были так сыры и недоработаны, что их создатели просто побоялись сделать свои идеи достоянием общественности и посему готовили их кулуарно. Настораживает и то, что наш уважаемый министр объявил о достижении консенсуса между всеми сторонами, участвовавшими в разработке национальной доктрины образования. Но ведь разногласия были вызваны наличием разных, часто несовместимых, логик развития образования, несовпадением приоритетов и разными механизмами принятия решений.

А поле для управленческих решений остаётся всё так же не пахано, как и прежде. За прошедшие годы так и не появилось ни одного серьёзного документа в сфере экономики школы. Сейчас у руководителей всех рангов на любые вопросы один ответ — нет денег. Но разве нужны деньги на то, чтобы избавить учащихся от калечащей их перегрузки, навести элементарный порядок в сфере издания федерального комплекта учебников, поставить образовательные учреждения в нормальные экономические условия? Для всего этого прежде всего нужен грамотный менеджер, разбирающийся в специфике различных областей образования. Вузовская система такие решения нашла, даже пролоббировала необходимые ей законодательные акты и продолжает активно бороться за каждый из них. И это понятно: она меньше и поэтому сплочённей, выше по статусу и поэтому легче открывает начальственные двери. Школа как система менее консолидирована и не имеет такого «веса», как вузы, а значит, ей надо помогать выстраивать современную систему управления, современное содержание образования. В ином случае лучше честно отказаться от управления ею, пустив всё на самотек, что, впрочем, на практике и происходит.

А как же иначе понимать тот факт, что в аппарате Министерства образования нет специалистов по школьной проблематике? Из многочисленных заместителей министра только один курирует среднюю школу, да и тот ни дня в ней не проработал. Среди шестисот работников министерства нашлось место лишь одному специалисту по проблемам школьной экономики, а вот для сельской школы — корневой основы России — не отыскалось даже штатной единицы...